СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 7

Введение. Новые исследования русского модернизма . . . 11

Радикальный и умеренный полюса модернизма 46

Миф об Орфее и Эвридике в русском модернизме 72

Психопоэтика и комплекс Орфея I 95

Модернистское двоемирие и комплекс Орфея II 103

Постклассическая рецепция мифа об Орфее и Эвридике
от Вергилия до постмодернизма 109

Голос Эвридики: «хрупкая женщина» модернизма 121

Орфей и translatio studii: историко-литературный обзор . 141

Ответ В. Ходасевича на «орфический треугольник»
А. Белого, Н. Петровской и В. Брюсова 159

Раковина и Орфей в «Камне» О. Мандельштама
и «Счастливом домике» В. Ходасевича 192

«Орфеев путь» в стихотворениях В. Ходасевича
«Века, прошедшие над миром…»
и «Жеманницы былых годов…» 243

«Миф о забытом христианстве»:
орфизм в статье О. Мандельштама
«Скрябин и христианство» в контексте эпохи 272

Критическая рецепция «Баллады» (1921) В. Ходасевича . . 294

Орфическое «Мы» Ходасевича между декадентами
и младшими акмеистами 332

Орфей и translatio studii в послереволюционной России . 374

«Классическая поэзия — поэзия революции»
О. Мандельштама: умеренное крыло зрелого модернизма
в диалоге с советской властью 399

Рецепция формулы О. Мандельштама «Классическая поэзия — поэзия революции» в творчестве Вс. Рождественского и К. Вагинова 439

Заключение. Орфические элегии А. Ахматовой «Я над ними склонюсь, как над чашей…» и Н. Берберовой «Гуверовский архив, Калифорния» как самоисполняющиеся пророчества О. Мандельштама и В. Ходасевича 482

Библиография 521

Указатель имен 556

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

С середины 1990-х годов наблюдается концептуальный поворот в исследованиях международного модернизма, получивший название «новые исследования модернизма» (см. [Jacobs 1994], [Mao, Walkowitz 2008], [Mao 2021], [Latham, Rogers 2021]). В этих исследованиях была предложена ревизия многих устоявшихся историко-литературных представлений, часто сформулированных еще самими участниками литературного процесса и потому по необходимости отражавших их субъективный и/или «партийный» взгляд. «Новые исследования» стремились углубить и расширить понимание хронологии, географии и концептуальных основ модернизма за счет широкого компаративистского и междисциплинарного подхода, а также включения в научный оборот малоизвестных произведений и авторов. В последнее десятилетие в западной славистике было заявлено о необходимости скоординировать исследования русского модернизма с «новыми исследованиями модернизма» (см. [Livak 2018], [Shevelenko 2018], [Waysband 2022]). Действительно, эта координация особенно актуальна для исследований русского модернизма, поскольку историко-культурные обстоятельства XX века вели к их изоляции в России от движения научной мысли на Западе. Разработанные в такой изоляции аксиомы до сих пор некритически ретранслируются в современном литературоведении. Новые исследования русского модернизма позволяют одновременно окинуть критическим взглядом пройденный путь в его исследовании западной и российской научной мыслью и применить новые подходы, обнаруживающие их более тесную координацию. Инспирированное

такой необходимостью, это исследование предлагает новый взгляд на хронологию и таксономию русского модернизма. Не претендуя на всеохватность в применении новых подходов к русскому материалу, оно фокусируется на сравнительном анализе поэзии В. Ходасевича и О. Мандельштама с точки зрения общих для них идейно-эстетических принципов, которые я вослед западным исследователям называю «умеренным полюсом» модернизма в противопоставлении его «радикальному полюсу»[1]. Кроме того, в этой книге я расширяю поле новых исследований русского модернизма за счет психопоэтических подходов и исследования его топики в рамках идеи translatio studii.

Связующей тематической нитью этого исследования является анализ мифа об Орфее и Эвридике в творчестве В. Ходасевича и О. Мандельштама. Этот миф выражал основные ценностные ориентиры модернизма, касающиеся приоритета искусства над другими жизненными практиками в преображении жизни и достижении ее трансцендентного плана. В моем исследовании орфический миф служит своеобразной лакмусовой бумажкой в исследовании аксиологических и гносеологических приоритетов модернизма и изменений, которые они претерпели на протяжении его раннего, зрелого и позднего этапа. Использование межкультурного компаративистского анализа позволяет более явственно обозначить общие тенденции в развитии русского модернизма.

Эта монография основывается на докторской диссертации, защищенной в Иерусалимском университете в 2010 году. После окончания университета я занялся другими исследовательскими проектами, продолжая тем не менее собирать материал и корректировать использованные в диссертации подходы. Несколько лет назад критическая масса исследованного материала достигла некоторого предела, и я решил переработать диссертацию, исходя из новых подходов, получивших название «новые исследования модернизма».

[1] Сопоставление Мандельштама и Ходасевича в связи с их неоклассицистическими тенденциями инициировал еще А. Кушнер в 1991 году на известной конференции «Столетие Мандельштама», см. [Кушнер 1994].

Благодарю Р. Д. Тименчика, под чьим научным руководством была защищена моя диссертация, за его внимание, доброжелательность и неизменную готовность делиться своими энциклопедическими знаниями о русском модернизме.

Стремлению выработать общие подходы к русскому и европейскому модернизму, суммируя принципы новых исследований международного модернизма, в немалой степени способствовало мое преподавание курсов о русском и европейском модернизме в Высшей школе экономики в Санкт-Петербурге. Характер лекционно-семинарских занятий на протяжении нескольких лет позволил апробировать отдельные положения этой монографии в непосредственном общении со студентами. Благодарю коллег и в особенности студентов ВШЭ за такую возможность.

Я также благодарю коллег Леону Токер, Айрин Масинг-Делич, Арлин Ионеску и Лазаря Соломоновича Флейшмана за дружеские, но настойчивые напоминания о необходимости доводить начатые проекты до конца.

Я особенно благодарен Леониду Ливаку, переписка и общение с которым сподвигли меня поставить под сомнение некоторые презумпции и аксиомы, до сих использующиеся в качестве отправных точек в исследовании русского модернизма. В своей монографии я апробирую и где-то корректирую использованный им в книге «In Search of Russian Modernism» новый исследовательский аппарат для изучения русского модернизма как интегральной части интернационального движения нового искусства.

В 2003 году на конференции по символизму, проводившейся в Иерусалимском университете, Николай Алексеевич Богомолов с готовностью откликнулся на мою просьбу прочитать и прокомментировать мою аспирантскую работу, посвященную орфической теме у Ходасевича. С тех пор и до его безвременной кончины редкое, но насыщенное общение и переписка с ним служили для меня стимулом и высоким ориентиром в моих модернистских штудиях.

В течение последних лет я пользовался финансовой поддержкой нескольких научных организаций, что позволило мне сконцентрироваться на завершении этой монографии.

Я хочу поблагодарить за гостеприимство кафедру литературы Трансильванского университета Брашова и ее декана Адриана Лакатуша (Adrian Lăcătuş), коллектив New Europe College — Institute for Advanced Studies в Бухаресте и коллектив Centre for Advanced Study Sofia.

Пользуюсь случаем с благодарностью упомянуть коллектив кафедры славянских литератур Хельсинкского университета. Организованная на кафедре конференция «Европа в России» в далеком 2007 году впервые позволила мне вынести на публику наблюдения о связи орфического мифа и концепции translatio studii в русской поэзии. С тех пор Славянский отдел Национальной библиотеки в Хельсинки стал для меня идеальным местом для изучения русского модернизма.